

Эмоции в праве и политике: от Аристотеля к юриспруденции наших дней

HUPPES-CLUYSENAER L., COELHO N. M. M. S. (EDS.). (2018). ARISTOTLE ON EMOTIONS IN LAW AND POLITICS. BERLIN: SPRINGER. 473 P. ISBN 978-3-319-66702-7

Ирина Борщ

Научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук

Адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Российская Федерация 119019

E-mail: borchtch@yandex.ru

Сборник коллектива авторов «Аристотель об эмоциях в праве и политике» занимает совершенно особое место в потоке книг о политической и правовой философии Аристотеля, и более редких, но также многочисленных в наши дни, публикаций, посвященных истории и философии эмоций.

Уникальность данной книги в том, что, имея ярко выраженный междисциплинарный характер, она раскрывает тему в юридической перспективе, сводя все четыре области — философию Аристотеля, эмоции, право и политику — воедино.

Сборник написан на волне характерной для последних десятилетий популярности исследований, посвященных эмоциям. Впрочем, не только эмоции, но собственно их связь с разумом, с рациональностью, с практиками сегодня действительно переживает необыкновенный всплеск интереса. Это проявляется на многих уровнях: от массовой культуры с книгами и тренингами, посвященными «эмоциональному интеллекту», до специализированных гуманитарных дискуссий об истории и социологии эмоций, об эмоциях в праве и в политическом принятии решений.

Главная черта новых подходов состоит в том, что эмоции больше не противопоставляются разуму, напротив, они признаются неотъемлемой частью когнитивного процесса. Они важны для восприятия и оценивания, а это значит, что без них невозможно и само суждение. Эта перспектива имеет огромные последствия для области права. Для сторонников «эмоционального поворота» присутствие эмоции больше не рассматривается как препятствие на пути хорошего суждения, в том числе суждения юридической природы, того, которое выносит судья, прокурор, представитель публичной власти.

Сборник «Аристотель об эмоциях в праве и политике» интересен еще и тем, что представляет собой результат многолетней работы группы исследователей из

разных стран. Своим появлением он обязан Аристотелевскому семинару, который профессор Амстердамского университета Лизбет Хуппес-Клуисенаер (Huppes-Cluysenaer) с 2009 года проводит на регулярных конференциях Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR). Сведущий ученого из Нидерландов на семинаре и соредатор представляемой книги — Нуно М. М. С. Коэльо (Coelho), профессор юридического факультета Университета Сан-Паулу в Бразилии.

Международная ассоциация философии права и социальной философии, которая сегодня объединяет более 2000 правоведов и социальных философов по всему миру, была создана в 1909 году и имеет более чем столетнюю историю обмена идеями между учеными всех континентов. Поскольку в 2015 году конференция была посвящена теме «Право, разум и эмоции», то также и Аристотелевский семинар изучал тему эмоций в философии права и политики Аристотеля. Итогом этой работы и стала представляемая книга. Авторы, чьи тексты объединены под ее обложкой, придерживаются очень разных методов и приходят зачастую к противоположным выводам. Так, например, один из главных вопросов книги: какие эмоции позволительны судье во время процесса или политику при принятии публичных решений? Иными словами, какое эмоциональное поведение мы можем объявить судебным идеалом при встрече с преступным поведением: полное бесстрашие или же «праведное» негодование? При всей разности ответов на эти вопросы, авторов объединяет общая позиция — отвечать, исходя не из личных склонностей или современных господствующих в социальной теории концепций, но из гуманитарной традиции социальной мысли, с особым вниманием к ее истокам — к классикам греческой философии.

Не будет преувеличением сказать, что по отношению ко многим современным господствующим интерпретациям античной мысли книга занимает критическую позицию. Лизбет Хуппес-Клуисенаер прямо говорит о «деконструкции» господствующих представлений о социальной мысли Аристотеля.

Данная книга — уже не первая попытка этой группы исследователей в этом направлении. Ранее они опубликовали сборник «Аристотель и философия права: теория, практика и юстиция»¹. В нем мне хотелось бы выделить несколько идей, чтобы пояснить особенности подхода наших авторов. В книге 2013 года ставился вопрос о том, как была истолкована философия природы Аристотеля в раннее Новое время и собственно в эпоху Просвещения и почему на сломе эпох идеи Стагирита были вписаны в «детерминистскую» парадигму². Другой смысловой центр предыдущей книги образуют аристотелевские идеи о добродетели. Они оказались востребованы в различных версиях современного «неоаристотелизма», например в «аретической теории права», которую развивает американский профессор Лоуренс Б. Солум (Solum). Исходя из понятий добродетели и «недетерминистского»

1. Huppes-Cluysenaer L., Coelho N. M. M. S. (eds.). (2013). Aristotle and the Philosophy of Law: Theory, Practice and Justice. Berlin: Springer.

2. Ibid.: 54–56.

понимания философом мира, авторы строили предположения о том, какие последствия для права и политики могло бы иметь такое прочтение Аристотеля.

Надо отметить, что этика добродетелей, подобно теории эмоций, стала очень модным направлением в последние десятилетия. В наши дни «неоаристотелизм» присутствует не только в философии, но и в таких специализированных областях, как философия права юристов, этика бизнесменов, компьютерная этика и т. п. Все эти направления ставят вопросы о том, насколько понятия воспитания и научения добродетели, сформулированные Аристотелем внутри своей культуры, соотносятся с современной практикой и идеалами.

Споры о добродетели не отбрасываются и в новой, рецензируемой нами работе Аристотелевского семинара IVR, тем не менее к ним добавляется эмоциональная перспектива. Фактически это первая попытка поставить вопрос о философии права Аристотеля через призму его учения об эмоциях, прежде всего в «Риторике», но также и в других произведениях.

В своем вступительном обзоре «Дебаты по поводу эмоций в праве и политике» Хуппес-Клуисенаер пишет о том, что Аристотель, несомненно, предтеча такого рода дискуссий, которые переживают в наши дни пик нового интереса. Она указывает, что Стагирит различал две морали, в которых когнитивная роль эмоций имеет разное значение. Во-первых, это гражданская мораль судебной процедуры в «Никомаховой этике», а во-вторых, это созерцательная мораль теоретического постижения в «Политике». В гражданской морали судебных и политических процессов когнитивная роль эмоций состоит в том, чтобы способствовать самовоспитанию судей через саморефлексию. В созерцательной морали «Политики» акцент делается на возможности воспитывать граждан в направлении этически положительных эмоций посредством законов, т. е. права. Наконец, в «Риторике» Аристотель фокусируется на убедительности тех, кто принимает и провозглашает решения в судах и народных собраниях. Риторическая убедительность также включает в себя эмоции, но эти эмоции — результат в большей степени влияния, чем воспитания.

Приятно отметить, что рецензируемая книга имеет логически продуманную структуру. Помимо содержательного Введения она включает еще три части: Познание, Моральный выбор (*moral agency*) и Законность (*legitimation*).

Введение, помимо вводного обзора от составителя, содержит еще два важных текста, задающих тон всему сборнику: американского правоведа Терри А. Марони и немецкого философа Кристофа Раппа. Их главный вопрос — если эмоции это составная, неотъемлемая часть когнитивного процесса, то желательно ли судьям показывать свои эмоции и каким способом это следует делать?

Этот сугубо практический вопрос, поставленный именно в юридической, а не этической плоскости, сразу же отсылает нас к главному спору в современной философии права между юридическим позитивизмом и юснатурализмом. Позитивизм склоняется к бесстрастному рационализму. Такими образом, он отличается от юснатурализма своим настроением, своим отношением к эмоциям.

Терри А. Марони описывает рациональный идеал правового позитивизма как устойчивый культурный сценарий в теории права. Она приводит в своем разделе ссылки на различные исследования по теме права и эмоций. При этом она отмечает, что до недавнего времени большинство подобного рода исследований фокусировались скорее не на праве, а на правонарушениях и ошибках в судебной деятельности. Имплицитно предполагалось, что эмоции, аффективные формы являются скорее знаком аномалии и что между разумом и эмоциями есть непреодолимое разделение. В то же время исследователи недавнего времени, которые исходят из иных методологических оснований («когнитивная роль эмоций»), оказались перед проблемой: как найти язык, на котором можно описывать свои результаты юридическому сообществу? Как убедить правовых теоретиков воспринимать эмоции не как нечто иррациональное и мистическое? В особенности если теоретико-юридическое сообщество в целом, по сравнению с другими областями социального знания, очень консервативно, если не сказать упрямо в своей старомодной рациональности. В этой ситуации для новых исследователей, как полагает Марони, очень полезным может оказаться именно аристотелевский подход.

Здесь Марони очень удачно ссылается на Марту Нуссбаум как одного из самых выдающихся защитников применения аристотелевской теории эмоций в праве. В разных своих работах, но особенно в книге «*Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*»³, Нуссбаум спорит с теорией права в ее примитивном аффективном понимании эмоций и воскрешает аристотелевский подход, в котором эмоции направляются усилием познания реального мира.

Центральная идея Марони — это идея о гневном судье. Она полагает, со ссылкой на Аристотеля и Сенеку, что гнев — это «правильная» эмоция в отношении «неправильного» поступка. Любой судья никогда не перестает быть человеком, его эмоции неизбежны, и в этом случает гнев — это адекватная, уместная, этически оправданная эмоция.

Здесь мы можем добавить от себя, что идея замещения одних эмоций другими, конечно, не нова в культуре. Но, пожалуй, не каждый день наше внимание привлекается к эмоциям должностного лица в таком ракурсе, для того чтобы изучить сам факт того, что судьи не всегда бывают эмоционально нейтральны, и страх, скука, раздражение, антипатия к другим участникам процесса не уходят тогда, когда их всего лишь скрывают.

Оппонентом Марони и созданного ею образа «праведного судейского гнева» выступает на страницах книги Кристоф Рапп, чью позицию легко можно себе представить уже из названия его текста: «Бесстрастный судья, столкнувшийся с горячими головами последователей Аристотеля».

Рапп — немецкий философ, авторитетный исследователь античной философии. Англоязычным исследователям теории аргументации он известен в осо-

---

3. Nussbaum M. (2001). *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.

бенности благодаря статье в Стэнфордской энциклопедии (2008)⁴, посвященной «Риторике» Аристотеля. Ему принадлежат комментированные переводы этого и других текстов.

В рецензируемом сборнике он смиренно признает себя «правовым обывателем (филистером)», который ничего не знает о юридической науке и не очень понимает, в чем смысл спора о разуме между правовым позитивизмом и теориями права, определяемыми через юридический смысл, культуру, добродетель.

Рапп прямо говорит о том, что ему не нравится идея разгневанного судьи, хотя бы даже и «праведно разгневанного», и он хотел бы, чтобы разум оставался последним и решающим авторитетом в правовых решениях. Более того, как исследователь античной философии он полагает, что именно такой взгляд близок к подлинному стилю Аристотеля, и сомневается в той интерпретации, которую дает Марони. Он утверждает, что аристотелевская этика относится к индивидуальному моральному агенту, в то время как теория эмоций в «Риторике» относится к речи, произносимой перед сотнями судей, т. е. перед народным собранием. Для немецкого профессора далеко не очевидно, что современного судью можно называть индивидуальным моральным агентом в аристотелевском смысле.

Называя таких аристотелианцев, как Марони, «горячими головами», Рапп признает тем не менее важность сотрудничества между современными теоретиками в области права, политики, психологии, с одной стороны, и переводчиками, специалистами по древней философии — с другой, с целью правильной интерпретации и актуального использования текстов классиков мысли. Такое сотрудничество — это, в сущности, и есть одна из главных характеристик обсуждаемой в рецензии книги. В ней аристотелевский подход к эмоциям встречается с современными проблемами общества.

Если теперь по ходу повествования перейти от Введения к знакомству с содержательными главами книги, то необходимо отметить, что описать все интересные находки авторов в одной рецензии затруднительно и даже невозможно. Поэтому я упомяну лишь некоторые из них.

В главе «Познание» один из центральных методологических подходов — сравнение современного «эмоционального поворота» как с аристотелевским учением об эмоциях, так и с его теорией познания и онтологией.

Стефано Фузелли в своей статье, посвященной теориям принятия решений, очень интересно указывает на контраст между современными механистическими подходами и классической мыслью о «живом». Представления Аристотеля о восприятии предполагают «одушевленного» морального агента, в то время как современные теории — что агент реагирует на стимулы и автоматически отвечает на заданный контекст, а сам его акт определен программой.

Сауло де Матос исследует вопросы языка. В современных юридических дисциплинах, отмечает он, превалирует языковой номинализм, когда предполагается,

---

4. *Rapp Ch.* (2010). Aristotle's Rhetoric. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-rhetoric/> (дата доступа: 23.05.2018).

что индивид пытается вписать себя в то правило/формулу, которую уже изрек носитель власти. В то время как у Аристотеля мы встречаем функциональный подход к языку, когда восприятие своих собственных конечных целей имеет решающее значение для всего словесного выражения индивида.

Фабиана Пинхо, исследуя юридическую аргументацию, подчеркивает, что аристотелевская концепция аргументации базируется не на истине формального силлогизма, но на *энтимеме*, т. е. на *топосах*, «общих местах», которые оказываются убедительными для всех участников дискуссии. Как пример такого топоса она приводит концепт «человеческого достоинства» в современном международном праве: он является аргументом, даже не имея точно заданного эмпирического содержания.

Уже упомянутая проблема индивидуального морального агента у Аристотеля, в особенности когда речь идет о публичных должностных лицах, глубоко раскрывается в главе «Моральный выбор». Здесь мне особо запомнилась статья Петера Лангфорда и Яна Брайена, посвященная рабству с точки зрения представлений Аристотеля о праве, разуме и эмоциях. Они обращают внимание на то, что связь, которая соединяет хозяина и раба, имеет, помимо прочих, еще и эмоциональный аспект. Его жизнь находится в подчиненном положении не только по отношению к воле хозяина, но также и к эмоциям хозяина. Рабство создает ситуацию не только невозможности внешнего проявления эмоций (это характеристика пуританской культуры, но не рабства), но и давления на внутреннюю эмоциональную жизнь человека. Раб не имеет права голоса в полисном обществе, в том числе и потому, что из-за своего зависимого положения он не имеет свободы эмоций и в силу этого не способен адекватно познавать реальность. Аристотелевская концепция практической мудрости ведет к исключению рабов из политической жизни.

Последняя глава книги «Законность» посвящена вопросам хорошо организованного и управляемого государства, а также политике, юстиции, пенологии. Ее ключевые вопросы: как предотвратить произвол в праве и политике? Что способно быть сдерживающими моментами: самовоспитание правящих или солидарность и активность граждан? Что создает в обществе эмоции уважения к законности?

Авторы этой главы полагают, что найти новые, созвучные нашей ситуации ответы на эти вопросы может помочь философия языка и эмоций. Это особенно актуально, поскольку в наши дни для многих ученых гуманитариев оправдание судебных решений простой отсылкой к написанным правилам больше неубедительно. Это противоречит представлениям о естественном языке.

Рецензируемая книга напоминает о том, что у Аристотеля (который столкнулся с подобными вопросами о языке задолго до споров позитивистов и юснатуралистов) функция права состоит в том, чтобы создать строгую процедуру для регулирования и ведения публичной дискуссии. Тем не менее внутри этой строгой юридической процедуры (а возможно и благодаря ей) человек остается самим собой, сохраняет свою природу, свою «одушевленность», свой разум и эмоции. И это,

пожалуй, главная мысль для дальнейших рассуждений, которая остается после чтения книги.

Независимо от того, на чем делают акцент современные правовые и социальные философы, на разуме или на эмоциях, все они согласятся с одним из утверждений книги (которое появляется у многих авторов) о том, что все участники судебного или политического процесса должны культивировать в себе и друг в друге эмоциональный настрой и мотивацию на повышение уровня разумности этого процесса. Кроме того, процессы должны быть публичны и результативны, поскольку только так они могут непосредственно воспитывать в гражданах эмоции уважения к законности.

Emotions in Law and Politics: From Aristotle to the Present-Day Jurisprudence

Irina Borshch

Research fellow, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Address: Znamenka str., 10, Moscow, Russian Federation 119019

E-mail: borchtch@yandex.ru

Book review: Liesbeth Huppel-Cluysenaer, Nuno M. M. S. Coelho, *Aristotle on Emotions in Law and Politics* (Berlin: Springer, 2018).